

На правах рукописи

БУБНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ПАЛИНДРОМИИ

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Орёл – 2003

Работа выполнена в Орловском государственном университете.

Научные консультанты:

доктор филологических наук профессор ПОПОВ Ростислав Николаевич,
доктор филологических наук профессор ИЗОТОВ Владимир Петрович.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук профессор ЗИМИН Валентин Ильич,
доктор филологических наук профессор МОНИНА Тамара Степановна,
доктор филологических наук профессор РУДЕЛЁВ Владимир Георгиевич.

Ведущая организация:

Институт русского языка Российской Академии наук.

Защита состоится « 17 » апреля 2003 года в _____ час. _____ мин.
на заседании диссертационного совета Д 212.183.01 при Орловском
государственном университете (302026, г. Орёл, ул. Комсомольская, 95).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Орловского государственного университета.

Автореферат разослан « 15 » марта 2003 года.

Учёный секретарь диссертационного совета

Гришанова В.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена лингвопоэтическим и лексикографическим аспектам палиндромии.

“В начале было Слово” (Иоанн. 1.1), “слово как таковое”, “самовитое слово вне быта и жизненных польз” (В.Хлебников). Слово связывает язык в систему. Слово приобретает особую актуализацию в художественной речи, некоторые из ее видов изначально построены на «слове как таковом». Тезис В.В. Виноградова о недостаточности внимания к специфике стихотворной речи как внутренне связанной системе ныне актуален в связи с бурным развитием в последние десятилетия палиндромической поэзии, ведь палиндромический текст – это особым образом связанная система симметрических оппозиций.

Понятие палиндрома вполне определенно представлено в энциклопедиях, словарях и справочниках. Палиндром осмысливается, с одной стороны, как лингвистический термин (Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова), как языковое выражение (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский), языковой и речевой феномен (В.В. Андреев, М.Г. Данилова), с другой стороны, как литературный термин (В.Жыбуль), как экспериментальный вид творчества (П.Румянцев) и т.д. В контексте современного состояния поэтического языка и функционирования палиндромии ни одно из словарных определений палиндрома нельзя признать полным и точным, тем более, что исследователями разрабатывались литературоведческий и стиховедческий аспекты без освоения лингвистической составляющей. Давно назревшая проблема дефиниции палиндромии (и палиндромических дефиниций в целом) требует учета как можно большего числа составляющих и параметров, вплоть до тотальной многоуровневой лингвопоэтической параметризации. Главный парадокс палиндромического дискурса состоит в принципиальном отсутствии четкого определения палиндромии как лингвистического феномена при продолжающемся использовании самого слова *палиндромия* наряду со словом *палиндром*. Проблема оппозиции *палиндром* / *палиндромия* соотносится с тезисами А.А. Потебни, который отождествлял структуру поэтического слова со структурой поэтического произведения.

Неизученность палиндромии на уровне многоаспектных исследований, отсутствие соответствующего научного инструментария побуждают к поиску специфических принципов и методов анализа с параллельным установлением связей и моментов сравнения с общелингвистическими и общефилологическими аспектами анализа непалиндромических художественных текстов, в отличие от палиндромических. Таким образом, должна быть решена важнейшая задача полноценного включения палиндромии в лингвистический (шире – филологический) дискурс.

Исследователи классифицируют палиндром по-разному и определяют его сложность в разной степени, пересекаясь и не пересекаясь в своих позициях (С.Е. Бирюков, В.Я. Брюсов, М.Л. Гаспаров, Э.Гребер, Ю.М. Лотман, Л.В. Решетняк, В.Рыбинский, С.Н. Федин, В.Хромов, Н.Шульговский, В.Жыбуль, I.Лучук, Н.W. Bergerson, M.Donner, др.). Палиндром представляет собой разнообразный и сложный объект исследования – его сходные и несходные черты должны быть выявлены с лингвопоэтических позиций, а непосредственная классификация определена с учетом и с помощью лексикографической составляющей.

В связи с вышеизложенным представляется важной постановка терминологической проблемы и проблемы дефиниций терминов. Существующая десятилетиями западная терминология в отношении палиндромных и околопалиндромных форм не может и не должна быть механически копирована нарождающейся соответствующей российской терминологической системой. Наряду с универсальной международной терминологией, основанной на греко-латинских корнях, многие термины предлагаются в русскоязычных вариантах, в той или иной мере отражающих специфику соответствующих явлений и структур в русской художественной речи.

Феномен палиндрома традиционно связывается с проблемами словотворчества, окказионального словообразования, однако до сих пор не появилось системных разработок, учитывающих данные направления. Творческое применение некоторых понятий и терминов словообразования продуцируют дальнейший лингвоструктурный анализ палиндромии.

Структурное лексикографирование представляется весьма плодотворным при изучении палиндромии, поскольку позволяет прояснить генезис палиндромического текста, принципы его композиционного функционирования, характер продуцируемости. Итогом палиндромологического лексикографирования становятся разнофункциональные словники, словарные материалы, словари, конкордансы. Параллельно разрабатываются принципы их составления с анализом и учетом ценного опыта предыдущих единичных разработок некоторых авторов.

Палиндромические тексты, ввиду своей изначальной лингвопоэтичности, лучше, нежели какие-либо другие художественные тексты, поддаются анализу в точных критериях, параметрах. Тем не менее, этого еще не было сделано. Соответствующие критерии и параметры исходят прежде всего из сферы словообразования. На следующем этапе особенно плодотворным представляется привлечение статистических методов анализа для исследования структуры слога, категорий слов, словосочетаний.

Многоуровневый анализ палиндромических текстов рождает обобщающую типологию палиндромных и близких к ним по структуре форм.

Палиндром часто причисляют к эксперименту автора с художественным словом. Анализ генезиса данного явления актуализируется через постановку проблемы лингвистического и лингвопоэтического экспериментов, заключающихся в получении текстов с заданными свойствами посредством экспериментального лексикографирования, включая аспекты внутриязыкового и межъязыкового переводов.

В реферируемом исследовании важным представляется выработка критериев отбора текстов для разноаспектного анализа и сам процесс отбора соответствующих текстов. Привлекаются также опыты авторского лексикографирования в качестве специфических лексикографических текстов. Небольшие словарные палиндромические подборки разных авторов «переросли» в крупные разноплановые работы, не проанализированные до настоящего времени с лингвистических и лингвопоэтических позиций: «Первый палиндромический словарь современного русского языка» Е.Кацюбы (ППС) и «Рачий» словарь» А. и П. Нагорских (РС). Достояна внимания и небольшая работа Г.Лукомникова «Фольклорные раки и целовертни» (ФРиЦ). В этих опытах авторского палиндромического лексикографирования наблюдаются истоки брюсовской концепции экспериментальной поэтики.

Специфика палиндромии в плане структуры не разработана, а без учета такой типологии невозможно комплексно охватить лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии. Выявление типов структурно-языкового взаимодействия и их фиксация – одна из основных задач исследования. Изложенная задача выполняется на основе изучения текстов, относящихся к палиндромии непосредственно или опосредованно. Лингвопоэтические аспекты рассматриваются параллельно и в комплексе со структурными, лексикографическими.

Специфика изучаемого материала требует выработки особых методов исследования. Художественные тексты, относящиеся к русской палиндромии, не имеют такого большого объема, какой есть у академического стиха. Это объясняется главной особенностью лингвопоэтической формы палиндромического стиха – тенденцией к минимализации. Самая распространенная «форма существования» палиндрома – одностишие, или иначе – минимальный текст, который ограничивается, как правило, одним предложением.

Чтобы дать исследователю необходимый для обнаружения особых закономерностей объем, нужны большие циклы одностиший, которые практически не встречаются в палиндромии. Как правило, публикации палиндромических миниатюр не достигают оптимального для статистической

выборки объема. Таким образом, для объективного лингвистического анализа нужно найти иные «формы существования» палиндрома, не самые распространенные, но более объемные. Таковыми могут быть большие палиндромические стихотворения, циклы, поэмы, драматические произведения. Обычно объем каждого из них укладывается в рекомендуемые 250-500 знаменательных слов либо является несколько большим. Поэтому в большинстве случаев нет смысла производить выборку из изучаемого текста, следует подвергнуть анализу весь текст в полном объеме, тем более, что так достигается более полная объективность в результатах исследования применительно к взятому тексту. Неравнообъемность выборок хотя и затрудняет сравнительный лингвистический анализ текстов с помощью методов математической статистики, но создает большую свободу в выборе изучаемого материала, возможность выборки целого числа стихотворений, строк, абзацев, предложений – в строгой зависимости от типа текста.

Как правило, в выборку (в корпус выборок) не включаются фрагменты текста (тексты), интуитивно определяемые как несоответствующие стилю и/или форме отбираемого материала; фрагменты (тексты), содержащие прямую (неавторскую) речь; фрагменты (тексты) с повторами одних и тех же элементов в степени, способной в существенной мере исказить статистические параметры; экспериментальные тексты, в которых затруднительно однозначно трактовать большинство слов (например, так называемые “заумные” тексты, “заумь”).

Вышеизложенные тезисы обуславливают актуальность диссертационного исследования.

Итак, в последние десятилетия свод художественных палиндромических текстов увеличился многократно благодаря усилиям авторов, которые используют палиндромию многофункционально. Весь этот объем текстов, послуживший материалом диссертационного исследования, изучен чрезвычайно мало, некомплексно, представлен, как правило, в контексте литературоведческом и критическом, *но не лингвистическом*, в лучшем случае – в качестве отдельных обзорных глав (фрагментов) в книгах (монографиях).

Объектом исследования являются тексты, в которых в той или иной степени выявляется палиндромия. Основным материалом исследования служит большой массив художественных текстов последних десятилетий.

Предмет исследования составляют лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии, функционирующей в выявленных художественных текстах. (Лексикографические аспекты понимаются в диссертационном исследовании не только традиционно, но во многом шире общепринятого, в частности, – в структурном и структурно-языковом значении).

Цель диссертации – комплексный анализ палиндромии и выявление ее лингвопоэтической и лексикографической специфики.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

– выявить и исследовать отвечающие тем или иным характеристикам и критериям палиндромические тексты разных авторов,

– выработать точные параметры для описания характеристик и форм палиндромии,

– выявить структурно-типологические составляющие палиндромии,

– установить (в том числе, с помощью лексикографических, статистических, экспериментальных методов) лингвопоэтические особенности как палиндромии в целом, так и отдельных ее проявлений.

В свое время В.В. Виноградовым была поставлена задача универсального словаря поэтического языка. Важным шагом к этой цели представляется словарь языка русской поэзии XX века, разрабатываемый Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН. В контексте исследования палиндромии ставится задача описания проекта универсального словаря (словарей) форм палиндромии, который был бы актуален и в аспектах изучения русского языка, и в аспектах общего языкознания.

В связи с особой металингвистической спецификой палиндромии, выявляемой в процессе исследования, одна из задач исследования – установление металингвистического соответствия стиля и методов исследования анализируемому материалу.

Методы исследования определяются исходя из вышеизложенных цели и задач. Ведущим является *описательный метод*, основанный на интуиции исследователя при лингвоцентрическом подходе, применяемом к описанию языка художественных текстов. Описательный метод позволяет отразить специфику палиндромии как вида художественно-изобразительной речи.

В контексте исследования палиндромии представляется чрезвычайно важным использование *структурных методов исследования*, в которых испытывает явную недостаточность теория лексикографии в целом.

В диссертации активно применяются *статистические методы исследования*, позволяющие не только проверить интуитивные предположения, но и выявить скрытые языковые особенности исследуемых текстов. Для статистических подсчетов используются выборки текстов, отвечающих тем или иным типологическим характеристикам.

Наконец, особую значимость в процессе исследования приобретает *методика лингвистического эксперимента*, позволяющая в различных целях как преобразовывать уже данные тексты, так и получать новые тексты с заданными и/или предполагаемыми характеристиками.

Общая гипотеза исследования – гипотеза лингвопоэтической исключительности палиндромии. Общая гипотеза синтезируется из восьми частных гипотез: гипотезы лексико-грамматической компактности (лапидарности) в палиндромии, гипотезы актуализации словоформы (флексии) в палиндромии (шире – для флективных языков), гипотезы дискретности синтаксиса в палиндромии, гипотезы агнонимизации палиндромии, гипотезы повышенной интертекстуальности палиндромии, гипотезы повышенной субстантивности палиндромии, гипотезы омонимизации и онимизации палиндромии, гипотезы архаизации современной русской палиндромии. Предполагается, что в процессе исследования гипотезы должны подтверждаться соответствующими (одноименными) тенденциями.

Одно из назначений диссертации – осуществить серьезный вклад в разработку теории поэтического языка, в частности, в преломлении изучения палиндромии. Реферируемое исследование – первый большой шаг к комплексному лингвистическому (филологическому) осмыслению палиндромии с включением некоторых междисциплинарных аспектов.

Научная новизна исследования заключается:

- 1) в комплексном описании палиндромии в различных ее проявлениях и аспектах,
- 2) в структурной типологизации палиндромии,
- 3) в разработке понятия устойчивого палиндромного словесного комплекса (УПСК) через апробированное понятие устойчивого словесного комплекса (УСК),
- 4) во введении в научный оборот терминов, фиксирующих новые формы и явления художественной речи: монопалиндромия, пантограмма, кругозвучие и др.,
- 5) в обосновании специфической формообразующей роли ретроскрипции, контаминации, редупликации, сложения и слияния в палиндромии,
- 6) в широком применении разноуровневых статистических методов исследования палиндромии, позволяющих открыть ее многие специфические свойства,
- 7) в открытии периодической системы элементов палиндромии.

В целом диссертация является первым многоаспектным исследованием палиндромии.

Теоретическая значимость исследования заключается:

- 1) в разработке основных понятий теории палиндромии: палиндромно-циклические формы (ПЦФ), палиндромно-циклическая парадигма, инициально-финальная продуктивность (ИФП) и др.,
- 2) в закреплении специфического теоретического инструментария в исследовании палиндромии (принципов, методов, параметров, элементов),

3) в комплексном анализе новых авторских словарей (“Первого палиндромического словаря современного русского языка” Е.Кацюбы, «“Рачьего” словаря» А. и П. Нагорских, словаря «Фольклорные раки и целовертни» Г.Лукомникова),

4) в лексикографической разработке художественного материала палиндромии и выработке принципов построения разного рода словарей палиндромно-циклических форм (ПЦФ),

5) в обосновании особой актуальности лингвопоэтического эксперимента для изучения палиндромии.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его материалы и полученные результаты могут быть применены в практике обучения в вузах и школах. Разработаны спецкурс “Развивающая лингвистика” (читается студентам Курского государственного педагогического университета), программа “Словесно-интеллектуальные игры и игровые поэтические формы” (Дом детского творчества Железнодорожного округа г. Курска). Проводятся открытые уроки и семинары в школах Курска и в Московском городском Дворце детского (юношеского) творчества. Выработаны принципы составления сводного словаря палиндромно-циклических форм, включающего в себя словарь грамматических омонимов, словарь новообразований, конкорданс и ряд других словарей. Принципы функционально-игровой и экспериментальной составляющих диссертационного исследования могут быть применены (в ряду других форм и методов работы) практически на каждом уроке в школах и во внешкольных образовательных учреждениях. Лексикографическая составляющая исследования может быть востребована в широком диапазоне филологами, профессионально работающими над составлением разного рода словарей, студентами вузов (в том числе иностранными), школьниками и всеми любителями словесности. Определенную практическую ценность представляет собой библиографическая составляющая диссертации: палиндромические тексты (Приложение 1) и теоретические работы о палиндроме, вошедшие в раздел «Список использованной литературы».

Апробация работы. Основные материалы, результаты, выводы, полученные в ходе проведенного исследования, обсуждались на следующих межвузовских, всероссийских и международных конференциях: «Eye Rhymes» (Эдмонтон, Канада, 1997), “Текст в гуманитарном знании” (Москва, 1997), «Слово в словаре» (Тамбов, 1997), «А.С. Пушкин и мировая культура» (Москва, 1999), «Текст как единица анализа и единица обучения» (Курск, 1999), «Феномен заглавия» (Москва, 2000), «Русская литература XX века: Итоги и перспективы» (Москва, 2000), «Мир романтизма» (IX Гуляевские чтения) (Тверь, 2000), «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы,

перспективы» (Тула, 2000), «Традиции русской классики XX века и современность» (Москва, 2002). По теме диссертации опубликовано 33 работы.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) палиндромия представляет собой специфическую художественно-изобразительную речь, обладающую лингвопоэтической исключительностью,
- 2) лингвопоэтические аспекты палиндромии генетически переплетены с ее лексикографическими аспектами,
- 3) художественный контекст актуализирует эстетическую, словообразовательную, магическую, композиционную, игровую, коммуникативную и поэтическую функции палиндромии, выступающие в совокупности и системе,
- 4) лингвопоэтическая параметризация палиндромии разграничивает типы палиндромии и фиксирует их взаимосвязь в художественном контексте,
- 5) многие лингвопоэтические формы, разрабатываемые и описываемые отдельно от палиндромии, структурно входят в палиндромию через объединяющее понятие палиндромно-циклических форм (ПЦФ) в контексте палиндромно-циклической парадигмы (ПЦ-парадигмы) и периодической системы элементов палиндромии.

Объем и структура работы.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы (333 наименования), списка принятых сокращений и условных обозначений, а также двенадцати приложений.

Во введении отражены актуальность работы, объект, предмет, цель, задачи, методы, гипотеза исследования, его научная новизна, теоретическая значимость, практическая ценность, а также положения, выносимые на защиту.

В первой главе – «Некоторые общелингвистические аспекты палиндромии» – затрагиваются вопросы, связанные с основными положениями последующих глав и во многом определяющие их. Первая глава представляет в основном те общелингвистические аспекты палиндромии, которые имеют лингвопоэтическую и лексикографическую ценность.

Во второй главе – «Лингвопоэтические параметры палиндромии» – типологизируются виды палиндромии, определяются их условные обозначения, необходимые для разработки словарей и для унификации дальнейшего исследования. Выработка параметров (дифференциальных признаков) подразумевает решение проблемы дефиниций понятий и критериев, необходимых для параметризации.

В третьей главе – «Выявление лингвопоэтических особенностей палиндромического текста с помощью статистических методов исследования»

– подтверждаются специфические особенности палиндромии, выраженные эксплицитно, а также обнаруживаются скрытые тенденции.

В четвертой главе – «Специфика лексикографирования в палиндромии» – анализируются предыдущие опыты авторского лексикографирования и предлагаются принципы и методы создания словарей с учетом лингвопоэтических аспектов исследования.

В пятой главе – «Экспериментальная лингвопоэтика в палиндромии» – осуществляются эксперименты по получению художественных текстов из научных представлений и из известных художественных текстов в преломлении лингвопоэтического и лексикографического опыта исследования, изложенного в предыдущих главах.

В заключении формулируются общие выводы исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки проблемы.

В приложениях представлены список источников текстов и выборочные тексты для статистического анализа, подробные результаты статистического исследования палиндромических текстов (всего 47 таблиц), материалы к словарю палиндромно-циклических форм (ПЦФ), материалы конкорданса, материалы к сводному словарю ПЦФ и словарю слогово-сегментных палиндромов (пар кругозвучий), материалы экспериментальной лингвопоэтики в палиндромии.

Основной объем диссертации – 346 страниц. Общий объем диссертации – 525 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В решении проблемы дефиниции палиндромии исходным стал анализ слова в контексте структуры палиндрома. Нахождение принципов инверсии, данности формы текста, металингвистичности и сегментации привели непосредственно к формулированию определения палиндромии.

Палиндромия – специфическая художественно-изобразительная речь, основу которой составляет симметрия элементов текста. Соответственно, *палиндром* – текст (сегмент текста), основанный на палиндромии.

Палиндром может быть не только и не столько буквенным или словесным, сколько сегментным – принцип сегментации, характерный для русской палиндромии: «(...) // Хата птах! // (...) // А вера зарева // Манит детинам. // (...) // Вы взвились, осилив взыв, // (...)» (В.Хлебников, «Разин»), «Церковь гуденья недуг в окрест - // (...)» (И.Сельвинский), «(...) // Ты сыт? // Тепло ль петь? // (...)» (С.Кирсанов) и т.д. Понятие буквенного палиндрома для русской поэзии, в отличие от «западной», достаточно условно, неактуально.

Палиндромический текст репрезентирует свою структуру (в узком понимании), автор текста репрезентирует (самим текстом и часто

комментариями) палиндромную структуру текста (в широком понимании) – принцип металингвистичности: «После того, как ступня человека коснулась Луны, Луна исчезла как миф, сентиментальная легенда, ирреальность. Изоп «а Луна канула» читается слева направо и обратно. Читатель как бы следит взглядом за полетом на Луну и обратно» (А.Вознесенский).

Степень осознанности создания текста в определенной автором форме может обсуждаться лишь в виде предположений, принципиально не влияющих на анализ текста – принцип (презумпция) данности формы текста. Ср.: «Я в чистом неразумии писал свой перевертень...» (В.Хлебников, «Своеси»).

Во флективных языках основной структурной единицей палиндромии является не лексема, а словоформа (тенденция к актуализации флексии) при решающей роли зеркально-симметричной инверсии: *Моря Икарова вал / вал Икарова моря, пламенеющий Нот / Нот пламенеющий* (в словесных палиндромах В.Брюсова) и т.п. Уточненное определение принципа инверсии дается после более подробного структурного анализа.

Различная степень приближения того или иного текста к палиндромическому абсолюту формы и различная степень «присутствия» палиндромии в художественных текстах побуждают провести принципиальную терминологическую дифференциацию палиндромии на монопалиндромию и полипалиндромию. *Монопалиндромия* представляет собой реализацию палиндромии в *монопалиндроме*, достаточно длинном (чаще законченном) тексте из одного палиндрома, обычно порядка 10 и более слогов, на письме охватывающего два и более стиха либо абзац. *Полипалиндромия* представляет собой реализацию палиндромии в ряду палиндромов, следующих один за другим в тексте.

Монопалиндромия (в узком понимании), с ее стремлением к формальной «чистоте» и большей сложности, исторически гораздо «моложе» полипалиндромии; исключением можно считать лишь знаменитый «магический» латинский sator-квадрат: sator / arepo / tenet / opera / potas. Реферируемое исследование проясняет нюансы взаимодействия моно- и полипалиндромии в общем контексте лингвопоэтического и лексикографического структурного анализа, с учетом контекста исторического.

В России, как и на Западе, вначале проявилась игровая функция палиндромии, произошло это гораздо раньше серьезных и регулярных поэтических опытов. Еще «Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду» в 30-х гг. XIX века время от времени публиковали различные загадки типа: «Я крошечное слово // И выразить готово // Печаль, испуг, плохой успех. // Теперь меня переверните – // И выйдет смех! // Что ж я такое? говорите!» (ответ: *ax* и *xa*). Следует отделить прикладную составляющую игровой функции

палиндромии от несопоставимо более серьезной поэтической составляющей, переходящей в собственно поэтическую функцию.

В отличие от игровой, поэтическая функция палиндромии в XIX веке проявлялась неявно и эпизодически. У Г. Державина такая функция еще сочетается с игровой в четверостишии-загадке с первыми двумя строками-палиндромами: «Я разуму-уму заря, // Я иду с мечем судия».

На палиндромические мотивы у А. Пушкина обращают внимание Ю.М. Лотман («О семиосфере»), Ю. Олеша («Ни дня без строчки»), И. Сельвинский («Записки поэта»), И. Терентьев («Закон поэтической речи»), В. Хромов и др. Ср. *Евгений Онегин* с устойчивым сочетанием в палиндромии (*и*) *гении неги*. Палиндромические «ростки» А. Пушкина принесли плоды в творчестве поэтов и прозаиков XIX и XX века. В частности, связь пушкинской и набоковской палиндромии прослеживается А.А. Долининым («Пушкинские подтексты в романе Набокова “Приглашение на казнь”»). Ср. также тютчевский «Цицерон» (“...Застигнут ночью Рима был! (...) Счастлив, кто посетил сей мир...”) и современное ироническое «Мы наш, мы новый Рим построим...» (Л. Крайнов-Рытов, «Партийный гимн итальянских большевиков») или анонимный транспарант с надписью «Риму – Рим!», палиндромная пародия на известный лозунг «Миру – мир!». В палиндромии конца XX века такая тенденция доводится вплоть до окказиональных словосложений: «Миру Рим, а Риму Мир? // (...) // Рима театр тает. А Мир? // Меч дан? Над чем? // Мирорим или Римомир? // (...)» (М. Крепс).

Палиндромия логически произрастает из паронимических тенденций в русской поэзии конца XIX – начала XX вв. Более того, палиндромия в наибольшей степени выражает такие тенденции, фактически являясь предельно строго организованной паронимической аттракцией. Заметим, что «паронимический взрыв» (В.П. Григорьев) в русской поэзии начала XX века к концу века символически отразится и умножится «палиндромическим взрывом» (С.Е. Бирюков). «Перевертень» В. Хлебникова, первый опыт системной палиндромии в русской поэтической речи, побуждает утвердить форму *перевертня* как стихотворения из строк-палиндромов (полипалиндромия).

В английской лингвопоэтике не замечено аналогичного термина для многострочной палиндромии, используется словосочетание «shot (line-length) palindromes», ср. четверостишие под названием «Four Palindromes of the Apocalypse» (L. Mercer); достаточно протяженные художественные тексты из «единого» палиндрома объясняются как «full-length poems which are end-to-end palindromes» (H. W. Bergerson).

В российской лингвопоэтике такая ситуация реализовалась в терминологической оппозиции *перевертень* / *монопалиндром*

(*полипалиндромия / монопалиндромия*). Аналогично идеям системности в лексике, монопалиндромия соотносится со структурно-морфологическим сходством, а полипалиндромия – с семасиологической смежностью. По другой аналогии, монопалиндромия соотносится с абзацем в редакторе компьютерного набора «Microsoft Word», с поправкой на то, что абзац будет достаточно протяженным, многострочным. В русской поэзии, насколько известно, первый монопалиндром сочинил И.Сельвинский, ныне признанным мастером монопалиндромии считается Д.Авалиани («Накал потушен мака // на камне шут оплакан», «Муза, ранясь шилом опыта, // ты помолишься на разум», отголосок пушкинского «Да здравствуют музы, да здравствует разум!»), ср. также «нетрагедия // Иде Гартен» (В.Либо, подзаголовок и посвящение из мини-пьесы).

Оговорка “насколько известно” не случайна. В диахроническом аспекте палиндромия содержит немало проблем. Достаточно упомянуть приписываемый А.Фету (?) знаменитый русский палиндром “А роза упала на лапу Азора” (“волшебная фраза” из “Золотого ключика” А.Н. Толстого), см. «Словарь-справочник лингвистических терминов» (Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова, М., 1985, с.195).

В палиндромии наблюдается множество повторяющихся устойчивых словосочетаний, синтагм, текстовых сегментов. В приложении к палиндромии по аналогии с устойчивым словесным комплексом (УСК) в диссертационном исследовании вводится термин *устойчивый палиндромный словесный комплекс (УПСК)*. В УПСК реализуются, в частности, устойчивость и репродуктивность паронимов в палиндромии. Эмпирически (из языка сочинений, принцип данности формы текста) устанавливаются палиндромно-лексические пары (*палиндромные пары*, по устному предложению Ю.Б. Орлицкого). Палиндромные пары при семантическом и грамматическом соответствии образуют УПСК (например, *удач чаду*), при несоответствии остаются парами или палиндромными оппозициями (*лапу / упал*).

Компактность УПСК подразумевает использование кратких грамматических структур (тенденция лексико-грамматической компактности). Особенно это показательно для кратких прилагательных, которые в палиндромии функционируют и как предикаты, и как эпитеты: УПСК «гол лог», «лай ал», «худ дух» и т.п. Подтвержденная в дальнейшем статистически, частотность кратких прилагательных (тенденция компактности) приближает палиндромию к фольклору и архаике (тенденция архаизации современной палиндромии).

Вся полипалиндромия в той или иной степени основана на УПСК, а следовательно, и на интертексте, на цитации, вольной или невольной (принцип данности формы текста, коммуникативная и поэтическая функции

палиндромии). Анализ всех четырех комбинаторных вариантов оппозиций «цитата / не цитата...» и «...для автора / для читателя» подтвердил тенденцию повышенной интертекстуальности в палиндромии. «Букв куб // Конус и рисунок // Резать на фигурки (...)» (В.Хромов). УПСК «конус и рисунок» может быть реализован как «Конус и рынок. Иконы рисунок.» (С.Гринберг) и как «(...) конус и рыбка, как бы рисунок (...)» (Д.Авалиани).

Если УСК в фольклоре ощущаются органично, то в палиндромотворчестве (по преимуществу, авторском) УПСК воспринимаются подготовленным читателем часто как тривиальность, недостаток мастерства автора. Основной метод преодоления тривиальности УПСК в полипалиндромии – окружение УПСК оригинальным контекстом. Так, два простейших УПСК «*рвал лавр*» и «*алоэ Эола*» у В.Набокова соединяются в сложный оригинальный палиндром «*рвал Эол алоэ, лавр...*». Набоков одним из первых в практике русского палиндрома почувствовал необходимость перехода от клишированности УПСК к практике использования по меньшей мере двух УПСК. Ср. на украинском: два простейших УПСК «*вада – падав*» и «*море пером*» составляют у Ю.Садловского текст «*вада – пером у море падав*».

В структуре УПСК и палиндромии в целом существенна роль ретроскрипции. В фильме «Где находится нофелет?» (1987, сценарий Б.Эйрамджана) название представляет собой «прикольный» вопрос для знакомства на улице. Слова *нофелет* и *фаргелет* образованы в результате ретроскрипции соответственно из слов *телефон* и *телеграф*.

Слова с формантом *теле-* достаточно популярны в ретроскрипционных новообразованиях. «Переключишь розивелет – // в правительстве переворот. // Ничего нет на обед? // Подаст икру розивелет.» (А.Вознесенский, «Розивелет»). Понятно, что новообразование *розивелёт / розивелет* образовано от *телевизор*. Обращаем внимание на слово *переворот* как отражение концепта ‘палиндром’ (принцип металингвистичности в палиндромии).

Выстраивается небольшая словарная подборка из слов, начинающихся с *теле-* и подвергшихся ретроскрипции в языке художественных произведений. Подключаем сюда же новое слово со значениями ‘телеграфная сеть’ и ‘сообщение по телеграфной сети’ *телекс*. Получаем следующие ретроскрипционные пары: *телевизор / розивелет*, *телеграф / фаргелет*, *телефон / нофелет*, *телекс / скелет (!)*. Ретроскрипция слова *телекс* совпала с узуальным словом *скелет*. Оказиональная ретроскрипционная «ниша» (ячейка матрицы) оказалась занятой. Такое явление можно назвать *ретроскрипционной омонимией*. Ср. в детском «оборотном» языке «*оселок титрев*» (‘вертит колесо’), где одна из пар словоформ (*оселок / колесо*) ретроскрипционно омонимична, другая – нет.

Таким образом, эксперимент с ретроскрипционными парами показал, что на ретроскрипционной омонимии основана во многом узвальная палиндромия. Ретроскрипционные пары переходят в палиндромные пары. Через элементы интертекстуальности и УПСК наблюдается органичное родство ретроскрипции и палиндромии.

Ретроскрипция составляет тесное родство с палиндромией через новообразовательные и/или омонимические тенденции. Особенно ярко данный тезис прослеживается в палиндромии А.Вознесенского, наряду с тенденциями омонимизации, онимизации и пересегментации в его авторском идиостиле, часто осложненном макаронизмами и интертекстуальностью: «Филби и бл... if? // Сюр а la рюс. // «Филби iblif... // (...)» («Гадание по книге», 1994).

Узколингвистический термин «пересегментация» (Л.В. Зубова), или оксюморонный термин «сдвигология русского языка» (А.Кручёных), продуцирует поиск «расширяющего» филологического термина на стыке лингвопоэтики и теории литературы. Известен постулат о том, что в терминологии всё должно быть в преемственности и системе. Употребление устоявшегося термина в принципиально новом значении – терминологическая ошибка. Такая ошибка происходит в последние годы (в популярной литературе, а теперь уже и в критике) применительно к стихам, различающимся только местоположением словоразделов и состоящим из одинаковой последовательности букв: “Не бомжи вы – // небом живы” (Д.Авалиани). Вместо ошибочного термина «гетерограмма»(?), уже имеющего помимо данного еще по меньшей мере два устоявшихся значения, в диссертации предлагается термин *пантограмма* (графическая панторифма), который сохраняет преемственность и номенклатурность в терминологии и не имеет синонимов. Соответственно, пантограмма в сочетании с палиндромом есть *пантопалиндром* (*пантодром*). По статистическим показателям пантограмма в целом занимает промежуточную лингвопоэтическую «нишу» между палиндромическими и непалиндромическими текстами.

К пересегментации актуально примыкает дефисация. «Ак-ты Пила-та – // Натали – пытка!.. (...)» (А.Федулов, «Александр Пушкин»). Дефис делит имя собственное на словосочетание *Пила та*. При этом прописная «П» ассоциативно придает омонимизированным лексемам *пила* и *пить* символический оттенок. В произнесении варианта “слабин-на” в палиндроме «Аннибал скисал: “Классик – слабин-на...”» (В.Пальчиков) за счет удвоения (удлинения) согласного достигается иронический эффект в прямой речи.

В следующем фрагменте ретроскрипционная / неретроскрипционная омонимия и собственно палиндромия тесно переплетены в субстантивном словосочетании с каламбурной игрой: «Тут дуд дуд. Тут – // воли лов.» (А.Кондратов), актуализация категории повтора в палиндромии.

Ретроскрипция традиционно реализуется в палиндромии как вид псевдонима: *Нави Волырк* (Иван Крылов), *Венонус* (Супонев, ТВ, 2000 г.) и т.п. А.Пушкин в этом контексте оказался более тонким: «н-к-ш-п», гласные исключены. В посвящении А.Олениной А.Пушкин развивает ретроскрипцию макаронически и типологически, шифруя имя и фамилию возлюбленной в словесном палиндроме (монопалиндроме) с ретроскрипцией: «*ettenna eninelo // eninelo ettenna*» (онимизация в палиндромии).

Повторы на многих уровнях (в т.ч. на уровне УПСК) в целом несут поэтическую функцию. В палиндромии повторы дополнительно порождены ограниченностью использования словоформ, которые с удлинением текста повторяются в разных микроконтекстах и нюансах взаимодействия с другими лексемами. Повтор на уровне сегментов объясняется спецификой симметрии палиндромической микроструктуры: например, повторы в ударных слогах и рядом с ними: «*Кукси, кум мук и сук*» (В.Хлебников), со структурой СГС, где С – согласный, Г – гласный; «*Дивит нас антивид*» (Д.Авалиани), «*(...) а сок // кипит, соню теребя, берет юности пик*» (В.Гершуни), со структурой ГСГ. В языках с «архаической» графической системой повторы в палиндромии ощущаются в устной речи, как правило, начиная с уровня слов и словосочетаний: «*Pull up if I pull up*» (D.Crystal), англ.; *to pull up* – ‘остановить, остановиться, продвигаться вперед (в состязании)’. Анализ категории повтора на разных уровнях палиндромии позволяет сделать шаг к лучшему пониманию лингвоструктуры палиндромии и пониманию суггестивно-магического воздействия палиндромных форм.

Отражением специфики УПСК является специфика палиндромического заглавия, которая соотносится с частотностью и лапидарностью коротких текстов в палиндромии в целом.

Независимо от контекстуального смысла одна и та же внешняя форма слова одинаково полноправно входит в форму палиндрома. Ср.: «*Раб, нежь жен бар*» (В.Хлебников); «*Раб, введи дев в бар*» (С.Прокофьев); *Бар*, персонаж повести В.Губарева «Королевство кривых зеркал», ретроскрипция от *раб*. Для поэтической палиндромии в целом и построения словаря омоформ палиндромии актуально расширенное понимание омографов – как слов, одинаковых по написанию, которые могут как различаться, так и не различаться ударением; палиндромическая омография включает в себя и существенную часть «чистых» омонимов, а также сферу онимов (тенденции онимизации и омонимизации). Разработанная структура словаря омоформ служит дополнительным визуальным подтверждением актуальности для палиндромии категории повтора.

В приложении к ассонансу как форме организации художественной речи в палиндромии прослеживается “пересечение” зеркальной симметрии (линейно-

палиндромной) и осевой симметрии (звуковые, сегментные, лексические повторы). Так, в «Перевертне» В.Хлебникова из 66-ти ударных гласных 38 (более половины!) приходится на ударную <о>. Максимально симметричны по оппозиции «ударная фонема <о> (О) vs остальные ударные фонемы (Х)» три строки в зоне «золотого сечения» стихотворения: «Мороз в узел, лезу взором. // Солов зов, воз волос. // Колесо. Жалко поклаж. Оселок.» (ОХХО // ОООО // ОХХО). Симметрия «золотого сечения» с зеркальной симметрией вокруг него дополняется обратной геометрической прогрессией в отношении строк, где под ударением только <о>: таких палиндромов 4 и все четырехударные. Первый замечаем в 6-й строке, после 5-ти “некомплектных”, затем между следующими “комплектными” соответственно 3, 2 и 1 “некомплектная” строка.

В реферируемом диссертационном исследовании впервые введены точные лингвопоэтические параметры (дифференциальные признаки), описывающие и классифицирующие палиндромические формы. Параллельное нахождение и исследование параметров и структур палиндромии позволило комплексно представить типологию палиндромии как в лингвопоэтическом, так и в тесно связанном с ним лексикографическом аспектах.

Параметр двоичности позволяет дифференцировать парную и непарную палиндромию. Парная палиндромия, в частности, характерна для индивидуального стиля В.Хлебникова. По параметру двоичности палиндромные формы делятся на одинарные (параметр двоичности = 1, *тут, как* и т.п.; ср. *single-word palindromes* в английской лингвопоэтике) и бинарные (параметр двоичности = 2, *плот / толп, там / мат* и т.п.). Вводится понятие *формотекста* (ф) как текста или сегмента текста в определенной форме. В парной палиндромии различаются первый и второй формотексты (ф1, ф2).

Параметр элементарности определяет основной структурный элемент того или иного типа палиндромии: звукобуква, сегмент, слог, словоформа и т.п.

Анализ слияния и редупликации в контексте палиндромии позволяет подойти к понятию *палиндромно-циклических форм* (ПЦФ, ПЦ-форм) как парных и непарных (бинарных и одинарных) форм палиндромии, основанных на принципах линейной и/или циклической палиндромии.

Параметры двоичности и элементарности дают почву для создания элементарной лингвотипологии, разрабатываемой с помощью лексикографирования на материале, в основном, текстов А.Вознесенского. Выявлены типы ПЦФ, которыми снабжается каждая словарная статья (строка) не только в словарных материалах, связанных с изучением объемного в этом отношении творчества А.Вознесенского, но и в общем структурно-лексикографическом описании ПЦФ: п – палиндромия в узком понимании, палиндромная словоформа (п1) или палиндромная пара (п2), обобщенно – п-

тип; с – слоговая палиндромия одинарного (с1) и бинарного (с2) подтипов, часто сочетающаяся с кругозвучием (например, с2к2); ц – циклическая палиндромия, циклическая словоформа (ц1) или циклическая пара (ц2); к – кругозвучие (циклофон) и/или циклограмма одинарного (к1) и бинарного (к2) подтипов, обобщенно – сегментная палиндромия, сегментодром; о – омонимические и/или омографические пары и близкие к ним, включая омонимоподобную паронوماзию. Одинарный и бинарный варианты функционирования типов ПЦФ определяются параметром двоичности, который делит все типы ПЦФ на два класса: а) п1, к1 (с1), ц1, о1; б) п2, к2 (с2), ц2, о2. Такая типологизация в итоге приводит к осознанию *палиндромно-циклической парадигмы* (ПЦ-парадигмы) как квинтэссенции взаимодействия ПЦФ в *периодической системе элементов палиндромии*.

Простейшая оппозиция из двух словоформ в паре формотекстов представляет собой простейшую бинарную парадигму. Более сложные ПЦ-парадигмы образуются из нескольких формотекстов, соотносимых между собой как ПЦ-формы. Степень реализации ПЦ-парадигмы исчисляется *индексом реализации* (ИР), равном частному от деления реализованных в языке элементов парадигмы к общему числу элементов (лингвистический ИР) или равном частному от деления реализованных в поэтическом языке количества актов бинарных сочетаний к общему числу актов взаимодействия в ПЦ-парадигме (лингвопоэтический ИР).

ТУР		1	2	3	4	5	6	примечания
		ТУР	РТУ	УРТ	ТРУ	УТР	РУТ	п-диагональ
1	ТУР	о2	к2	к2	ц2	ц2	п2	
2	РТУ	к2	о2	к2	ц2	п2	ц2	
3	УРТ	к2	к2	о1	п2	ц2	ц2	
4	ТРУ	ц2	ц2	п2	о1	к2	к2	
5	УТР	ц2	п2	ц2	к2	о1	к2	
6	РУТ	п2	ц2	ц2	к2	к2	о2	
								о-диагональ

Таблица 1. Периодическая система элементов палиндромии (на примере элементарной ПЦ-парадигмы с мотивирующим словом ТУР)

Словоформы в Таблице 1 расположены в линейно-палиндромном порядке таким образом, что плоскость симметрии проходит между третьей и четвертой словоформами, причем соседние словоформы выстроены по принципу объединяющей финали-инициали с минимальным контаминационным сегментом в потенциальных новообразованиях, основанных на сегментной и звукобуквенной палиндромии: *турту*, *ртурт*, *уртру*, *тртур*, *утрут*, *рутур*, а также *турут*, *ртурт*, *тртурт* и т.д. Заметим, что только словоформа *утрут* совпала с узуальной формой глагола (омонимизация в палиндромии). Ячейки с новообразованием *урт* образуют «окказиональный крест».

Периодическая система элементов палиндромии представляет собой типологию взаимодействия формотекстов и типов ПЦФ как лингвопоэтических и лексикографических элементов палиндромии, функционирующих в ПЦ-парадигме. Элементы палиндромии в контексте периодической системы есть действующие в единстве формотексты, типы ПЦФ, палиндромные сегменты текста. Периодизация осуществляется на основе лингвопоэтических параметров.

Лексический параметр, численно определяемый количеством словоформ в формотекстах (КС), дифференцирует степень «гибкости» данной ПЦФ и степень ее взаимодействия с другими ПЦФ, которая резко возрастает при переходе КС(ф) от 1 к 2 (и более). В образующихся таким образом сложных взаимодействиях значительную роль играет уточненный *принцип инверсии*: в ПЦФ любое слово может быть формально в абсолютном начале формотекста. Лексический параметр выделяет расширенные формы ПЦФ, обозначаемые в формулах и словарных материалах дополнительным индексом «р»: так, элементарный УПСК, как правило, имеет форму (формулу) $p1r$.

Инициальный параметр КСИ (количество совпадений инициалей при контаминации формотекстов) дифференцирует степень устойчивости ПЦФ, исходящей из понятий УСК и УПСК. Нулевое значение КСИ соответствует типам $k1$ и $s1$, а также строгому пониманию типов $k2$ и $s2$. Ненулевое значение КСИ сводит $k2$ и $s2$ к $o1r$, $o2r$, пантограммам и более свободным каламбурным формам. Инициальный параметр позволяет судить о степени цикличности ПЦФ – позиционности в оппозиции « $p(1,2)$ vs $c(1,2)$, $k(1,2)$ ».

Формообразование ПЦФ, исследованное параллельно с параметрами ПЦФ, основано на словообразовательных понятиях редупликации, сложения, слияния, контаминации и ретроскрипции (в этом – один из открывшихся феноменов палиндромии). Сочетания вышеперечисленных способов словообразования соотносятся с параметрами ПЦФ и позволяют впервые описать взаимодействие ПЦ-форм с помощью дифференцирующих индексов: редупликации (ИРд), ретроскрипции (ИРс), контаминационности (ИК), цикличности (ИЦ).

ИРд определяет объем словотекста (термин В.П. Изотова) или формотекста. При $КС=1$ (словотекст) ИРд численно равен количеству повторений первого мотивирующего слова (формотекста ϕ_1) в контаминационном новообразовании: например, *тьмать* (А.Вознесенский, Г.Гачев) имеет $ИРд=1+$, *цокольцокольцокольцо* (А.Вознесенский, Г.Лукомников) имеет $ИРд=3+$ (неполное повторение обозначается плюсом).

Ретроскрипционный параметр определяется с помощью индекса ретроскрипции: $ИРС=0$ означает отсутствие ретроскрипции в формообразовании палиндромии, $ИРС=1$ означает наличие таковой. Таким образом, ретроскрипционный параметр дифференцирует ПЦФ на узуально ретроскрипционные (п-тип и ц-тип: $p_1, p_2, p_1r, c_1, c_2, c_1r$ и т.п.; $ИРС=1$) и узуально неретроскрипционные (к-, с- и о-типы; $ИРС=0$) с выделением в отдельную сложную систему смешанных форм типа k_2c_2 с двойственным параметром ретроскрипции. КСИ в применении ретроскрипционных типов преобразуется в КСС – количество совпадений словоразделов. Аналогично показателю КСИ в описании инициального параметра нулевое значение КСС соответствует типу c_1 , а также строгому пониманию типа c_2 . Ненулевое значение КСС всегда имеет п-тип, а значение КСС от двух и более всегда имеет о-тип. Ненулевое значение КСС сводит c_2 к p_1r .

Методика определения индекса контаминационности (ИК) основана на анализе контаминационного взаимодействия ϕ_1 и ϕ_2 . Первый формотекст (ϕ_1) подвергается редупликации со слиянием (ранее не зафиксированный способ словообразования), при этом ИРд не должен быть менее 5. На 2-3-м проведении (периоде) ($ИРд=1+$ или $ИРд=2+$) на ϕ_1 накладывается (контаминируется) ϕ_2 , причем также по методу редупликации-слияния. ИК, численно не равный целому числу, приводит к некоторой позиционности (иерархичности, поляризованности) формотекстов. Один из двух формотекстов при этом обязательно должен быть первым – сильная позиция в ПЦ-паре. При этом из ϕ_1 выводится ϕ_2 , но не наоборот.

В контексте разрабатываемой лингвопараметризации палиндромии очевидна принципиальная оппозиционность ПЦ-структур одностиший с узуальной ретроскрипцией (“Тарту дорог как город утрат”, И.Фоняков) и аналогичных по минимальности текстов с окказиональной ретроскрипцией (“Уж редко рукою окурков держу”, Б.Гольдштейн). Степень такой оппозиционности точно показывает индекс цикличности: $ИЦ = КСИ(КСС) / КС$. В тексте Фонякова $ИЦ = 5/5 = 1$, в тексте Гольдштейна $ИЦ = 1/5 = 0,2$. Чем меньше показатель ИЦ, тем больше некая внутренняя контаминационность (спаянность, цикличность, «сцепление») текста, в этом смысле ИЦ логично выводится из ИК, показывающего соотношение формотекстов.

Типологическое движение в сторону увеличения ИЦ приводит к *омограмме* с ее нулевым «сцеплением»: «милую милую, целую целую...» (Г.Лукомников). Противоположное движение к более совершенным *пантограммам* уменьшает тавтологичность: «Раз ору – жить хочу! Разоружить хочу!» (В.Николаев), повтор глагола; «В блин – даже в блиндаже!» (Е.Беляев), повтор предлога. Наконец, в шедеврах Д.Авалиани «Поэта путь мой – // по этапу тьмой...» и С.Федина «Не грусти, Рая, // негру стирая!» минимальный ИЦ и, соответственно, максимально возможное «сцепление», внутренняя контаминационность.

Параметр семантической поляризации дифференцирует ПЦФ по степени семантической взаимопродуцируемости: один из формотекстов явно продуцирует другой формотекст (семантически поляризованная ПЦ-пара), или оба формотекста продуцируют друг друга с относительно равной вероятностью (семантически нейтральная ПЦ-пара).

Параметр типа симметрии разделяет ПЦФ на формы с плоскостной, осевой, либо смешанной симметрией.

В целом, структурная концепция ПЦФ, с учетом принципов металингвистичности и данности формы текста, соотносится с лотмановской “этимологией переплетения”. Лингвопоэтическая параметризация позволяет детально проанализировать свойства ПЦФ, а также степень и характер взаимодействия ПЦФ. В конечном счете, каждый тип и подтип ПЦФ имеет только свой характерный набор параметров.

Для точного статистического анализа палиндромии по разного рода показателям отобраны тексты, имеющие достаточную протяженность и стилистическую однородность. Известный в математической статистике «хи-квадрат-критерий» (ХКК), сравнивающий две выборки, послужил наилучшим сравнительным критерием существенности превышения одних показателей над другими в сложившейся ситуации разнообъемности выборок. Превышение ХКК значения 3,84 свидетельствует о существенности в различии сравниваемых показателей, меньшее значение – о несущественности.

На минимально-сегментном уровне в палиндромических текстах наблюдаются разного рода “вокализации”, например, случаи восстановления беглого гласного в нарушение норм современного литературного языка: “в буме “Рова” фан...” (В.Пальчиков, имеется в виду книга “Ров” А.Вознесенского; онимизация и интерлингвистичность). Тенденция к открытости слога приводит нередко к замене предлогов “в” и “к” соответственно на варианты “во” и “ко”: «а догмат – с Оки, и ко стам – года», «и кило кубов – во “Буколики”» (В.Пальчиков); «(...). // А лепо пела // Во клеш шелков. // (...)» (В.Рыбинский).

Открытый слог и упорядоченная структура слога типа СГСГС явно преобладают в палиндромии по сравнению с непалиндромными текстами, число согласных звуков уменьшается и приближается к числу гласных. Палиндромия является относительно более вокализованной лингвоструктурой (гласно-согласное «выравнивание»), нежели другие типы текстов, что указывает на тенденции к фоноструктурной архаизации палиндромии. Так, объем текстовых сегментов с упорядоченной структурой слога в палиндромических текстах А.Вознесенского составляет 33,1% от всего объема его палиндромов, в контрольном непалиндромическом тексте 15,3%; аналогично у В.Хлебникова (44,2% и 18,0%) и Д.Авалиани (41,4% и 8,4%).

Структура СГСГС наблюдается как в коротких сегментах текста (3-7 слогов) («Тина манит... // Туча... чуть... // А луна тонула...», В.Брюсов; «Кому надо, дан умок», В.Татаринов), так и в более длинных (9-12 слогов): «Иде беляны, ныня лебеди. // Косо лети же, житель осок!» (В.Хлебников), «На поле тело полетело, пан» (А.Тарковский), «Водовозу руку кукурузоводов» (С.Кирсанов).

В формотекстах п-типа любой строго палиндромный сегмент текста, начавшись с согласного (прикрытый слог), согласным же и завершается (закрытый слог); и, соответственно, начавшись с гласного (неприкрытый слог), завершается также гласным (открытый слог). Первый вариант более частотен (СГСГС), второй – менее частотен (ГСГСГ). Причина явления – в большей частотности согласной инициали по сравнению с гласной.

Положение русской палиндромии по отношению к другим языкам в плане упорядоченной структуры слога «промежуточное». С одной стороны, английская палиндромия и на уровне фонетики, и на уровне графики практически не соотносится с тенденцией к упорядоченной структуре СГСГС. С другой стороны, весьма предрасположен к палиндромии, например, японский язык, благодаря тенденции к структуре СГСГС, что подтвердилось в эксперименте по синтезу межъязыкового и типологического перевода.

Выявлена *инициально-финальная продуктивность* (ИФП) в палиндромии. *Продуктивная финаль* типична прежде всего для флективных форм с палиндромной основой: *мама, маме, маму* (ц1) и т.п., что дает широкие лингвопоэтические возможности в палиндромии для флективных языков (актуализация флексии). Продуктивная финаль в структуре палиндромии менее частотна по сравнению с *продуктивной инициалью*. Ср. двустигшие из УПСК «Конец сценок. Конец оценок» (у многих авторов, в частности, у А.Кондратова как финальный рефрен поэмы «Укор сроку»). ИФП подразумевает не только замену (реализованную или потенциальную), но возможность расширения (индекс «р» в системе обозначений ПЦФ) УПСК и дальнейшего парного (тройного и т.д.) варьирования в пределах

палиндромного сегмента разной величины. Так, УПСК «лег на храм архангел» (п1р) с продуктивной финалью –м, преобразуясь по принципу инверсии, входит составной частью в монопалиндром «Но невидим архангел, мороз узором лег на храм, и дивен он» (В.Софроницкий) с удвоением продуктивной финали. Ср. ладыгинский УПСК «Невидим и дивен» (заголовок статьи В.Руделева о Н.Ладыгине) с той же продуктивной финалью.

Как подтверждают подсчеты, основной объем лингвопоэтических структур палиндромии основан на ИФП. *Степень ИФП* определяется отношением количества сегментов, основанных на ИФП, к общей сумме палиндромных сегментов текста. Лишь палиндромия В.Хлебникова и А.Вознесенского имеет меньшую, чем 0,5, степень ИФП, то есть меньше половины палиндромных сегментов в текстах упомянутых авторов основано на ИФП. Видимо, Вознесенский, неоднократно подчеркивающий свой особый пиетет перед поэзией Хлебникова, интуитивно «продолжил» хлебниковскую лингвоструктуру с преобладанием п-типа.

Анализ «индекса прозрачности», учитывающий комплексное взаимодействие существительных, прилагательных и глаголов, не дал четких результатов (при фиксации определенных тенденций) и побудил к сужению исследовательского статистического поля до отдельных категорий слов и их локальных взаимодействий.

Замечено явное увеличение словоупотреблений существительных в палиндромии – процесс, имеющий свои особенности. Главные из них – онимизация и агнонимизация, переплетающиеся с новообразовательными тенденциями; наблюдается преимущество номинативных конструкций: «– Отче, нечто! // Тевтон. Ответ. // Телекс. Скелет. // (...)» (А.Вознесенский); аналогично на белорусском: «Карабіны. Чара гарачыні. Барак. // Муштра, гарт, шум. //(...)» (В.Жыбуль). Поэтика А.Вознесенского наиболее ярко иллюстрирует тенденцию роста числа словоупотреблений существительных по мере роста формальных ограничений текста. Субстантивация кругозвучия наиболее высока (82,9% существительных в знаменательных словах, А.Вознесенский), в других формах палиндромии субстантивация несколько ниже (75,6% у него же), но всегда больше, чем в непалиндромических текстах (от 44,1% у Д.Авалиани до 56,3% у А.Вознесенского).

Гипотеза о компактности лингвопоэтических структур палиндромии подтверждается стремлением к минимализации структуры слога, увеличением числа словоупотреблений одно-двухсложных и усеченных существительных, существительных с нулевыми окончаниями (“Не лет ив – иду я удивителен, // Казак, // Великан равнин, варнак и лев.”, Н.Ладыгин, «Восстание Разина»; “Нить у рутин – // Та беда дебат.”, В.Рыбинский), резким возрастанием количества кратких прилагательных и причастий, императивов глаголов (*иди,*

ищи (п1); “Индивид, удиви дни!”, Б.Гольдштейн; “Ведьма, дамы дев”, А.Канавщиков), наконец, общелексической лапидарностью, измеренной в среднем количестве слогов в словоформе (СДС), в связи с чем наблюдается уменьшение словоупотреблений глаголов (имеющих СДС выше среднего), их субстантивация, эллиптические безглагольные конструкции.

На уровне словосочетания в палиндромии замечена тенденция к беспредложности, к преобладанию субстантивных двухкомпонентных конструкций, которые в функционально-поэтическом плане бурно продуцируют соответствующие метафоры с генитивом (“Я – око покоя, // Я – дали ладья”, В.Брюсов, «Голос луны»; “...муз оргия и гроз ум, // кадрилевью ювелирдак...”, В.Гершуни; “Я – ига мира замок. // Кома зари – магия.”, Е.Кацуба), что подтверждают подсчеты индексов реализации словосочетания (ИРС, лингвистический параметр) и метафоры (ИРМ, лингвопоэтический параметр), исчисляемые, соответственно, в отношении ко всему количеству словоупотреблений существительных (ИРС, двухкомпонентные словосочетания умножаются на 2) и в отношении ко всему количеству аналогичных субстантивных конструкций (ИРМ) в тексте.

Уникален в этом отношении как бы непалиндромический (в строгом смысле ПЦФ) “Компьютер любви” К.Кедрова, полностью состоящий более чем из сотни номинативно-генитивных метафор (подобных по структуре рассмотренным выше): “Небо – это ширина взгляда // взгляд – это глубина неба // боль – это прикосновенье Бога // Бог – это прикосновенье боли // (...)” и т.п. Хиазмические структуры переплетаются со словесно-палиндромоидными конструкциями и лексемными палиндромами, собирая единую метаметафору (термин К.Кедрова) в контексте макроструктурной метапалиндромии.

На дальнейших этапах исследования экспериментально осуществлены, в частности, некоторые способы преодоления в монопалиндромии относительно нечастотного употребления глаголов, что показывает неиспользованные потенциальные возможности русской палиндромии: *АЛА желала вызвала показала кутала чиркала врала такала жрала хапала пицала щипала пахала ржала катала рвала кричала тукала... закопала... взывала... лежала...* (с максимальной цикличностью в монопалиндроме, КСС=1).

Ниже представлена одна из таблиц, доказывающая тенденцию морфолопидарности существительных (за счет снижения числа нулевых окончаний) в палиндромических текстах, занявших по показателям верхнюю часть таблицы. “Пограничные” показатели палиндромии Д.Авалиани составляют значительную степень превышения над его же непалиндромическими стихами (примечание 1), но незначительную – над кругозвучиями (палиндромия к-типа) А.Вознесенского (примечание 2).

выборка	нескломые	с нулевыми окончаниями	общее число	% с нулевыми окончаниями	примечания
-1-	-2-	-3-	-4-	-5-	-6-
(РС, п)	3	138	190	72,6	
(Горобец, п)	0	82	134	61,2	
(Канавщиков, п, 2)	18	169	283	59,7	
(Канавщиков, п, 1)	4	89	153	58,2	
(Хлебников, п, 1)	5	354	628	56,4	4
(Пальчиков, п, 1)	23	229	414	55,3	
(Пальчиков, п, 2)	24	247	453	54,5	
(Хлебников, п, 2)	0	278	520	53,5	4
(Вознесенский, п)	24	95	180	52,8	
(ФРиЦ, п, 2)	10	209	402	52,0	
(Канавщиков, м)	5	82	158	51,9	
(ППС, п)	20	279	547	51,0	
(Хлебниковский пер., п)	9	183	362	50,1	
(Ладыгин, п, 2)	1	85	172	49,4	NB
(Ладыгин, п, 3)	1	84	170	49,4	NB
(Гольдштейн, п)	2	54	110	49,1	NB
(Рыбинский, п)	6	238	485	49,1	NB
(Авалиани, 1999, п)	12	142	298	47,7	
(Авалиани, 1997, п)	11	141	307	45,9	1, 2
(Лукомников, ф2)	16	110	300	36,7	
(Вознесенский, к2)	23	74	203	36,5	2, 3
(Авалиани, 1997, с, 1)	1	98	287	34,1	1
(Авалиани, пант)	9	76	227	33,5	

-1-	-2-	-3-	-4-	-5-	-6-
(Хлебников, с)	1	54	207	26,1	
(Лукомников, ф1, ф2)	25	160	626	25,6	3
(Вознесенский, э)	0	30	155	19,3	NB
(Канавщиков, в)	1	33	171	19,3	NB
(Хлебников, пр)	3	65	364	17,9	NB
(Вознесенский, с)	7	25	147	17,0	
(Рыбинский, прим)	2	22	137	16,1	
(Лукомников, ф1)	9	50	326	15,3	
(Рыбинский, в)	2	23	179	12,8	

Таблица 8. Подсчет доли существительных с нулевыми окончаниями в общем числе словоупотреблений существительных.

Примечания к Таблице 8. (1) ХКК=5,12. (2) ХКК=2,60. (3) ХКК=6,45. (4) ХКК=0,44.

(Авалиани, 1997, п). Все палиндромические тексты книги Д.Авалиани “Улитка на склоне” (М., 1997), с. 64-115, исключая не соответствующий форме текст “Модели...”, с.113.

(Авалиани, 1997, с, 1). Первая выборка непалиндромических стихотворений из той же книги, 14 текстов, с. 6-17.

(Авалиани, 1999, п). Палиндромическая поэма “7x7” (1999, рукопись). Экспериментальное произведение из 49 монопалиндромов, сгруппированных в 7 глав (по 7 в каждой главе). Монопалиндромы в каждой главе начинаются с одинаковой лексемы, соответственно: *огонь, вода, небо, тело, ум, низ, воз*. Завершается поэма дополнительным 50-м монопалиндромом, начинающимся с лексемы *семь*.

(Авалиани, пант). Цикл стихотворений в форме пантограммы (Д.Авалиани. Пантерифмы // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 331-332).

(Вознесенский, к2). Кругозвучия и циклограммы (ПЦФ к-типа) из книг А.Вознесенского «Casino “Россия”» (М., 1997) и «Жуткий Crisis Супер стар» (М., 1999), зафиксированные в материалах к словарю ПЦФ А.Вознесенского (Приложение 6 диссертационного исследования).

(Вознесенский, п). Вполне правомочно условиться рассматривать как отдельную выборку все опубликованные палиндромические тексты А.Вознесенского из книг “Тень звука” (М., 1970), с. 161, 166; “Аксиома самоиска” (М.,1990), с. 3, 60, 121, 122, 127, 202, 451; “Гадание по книге”

(М., 1994), с. 89, 93, 110, 126-127, 149-150; «Casino “Россия”» (М., 1997), с. 51, 90, 92, 121, 171, 193, 200, 294; «Жуткий Crisis Супер стар» (М., 1999), с. 36-37, 159, 162; “www.Девочка с пирсингом.ru” (М., 2000), с. 55, 93, 97, 184; а также из “Антологии русского палиндрома XX века” (М., 2000), с. 38.

(Вознесенский, с). Концептуальный текст “Аксиома стрекозы” (с.21-25), соотносимый с палиндромным названием всей книги “Аксиома самоиска” (М., 1990). Последнее словосочетание присутствует в тексте как рефрен, который, как и прямая речь, исключен из выборки.

(Вознесенский, э). Эссе “Христианство стекла” (“Гадание по книге”, М., 1994, с. 189-190). Из выборки исключены стихотворные строки и название книги стихов “Витражных дел мастер”.

(Гольдштейн, п). Палиндромический текст Б.Гольдштейна “Укол Блоку” (1987, рукопись).

(Горобец, п). Палиндромический текст Б.Горобца “Степан Разин”.

(Канавщиков, в). Все 4 выборки текстов А.Канавщикова взяты из его книги “Саван на вас” (М., 1999). Начало вступительной статьи о палиндроме “Симметричность гармонии” (с. 5-10), включительно до слов: “...в отрыве от общественного контекста становления принципов русской палиндромической поэзии”. Из выборки исключен фрагмент с цитатой: от слов “Вот типичное определение...” (с.6) до “...1993, с.30”.

(Канавщиков, м). Монопалиндромический текст “Листал сталь лат. С лат – сил”, с. 72-73. Для выборки взято 3 монопалиндрома, исключены две относительно короткие палиндромные строки “Сказка...” и “Крах...”.

(Канавщиков, п, 1). Палиндромический текст “Саван на вас”, совпадающий с названием всей книги, с. 22-24.

(Канавщиков, п, 2). “Гавань наваг”, с. 101-105, наиболее объемный палиндромический текст книги.

(Ладыгин, п, 2). Палиндромический текст “Восстание Разина” из книги Н.Ладыгина “Золото лоз” (Тамбов, 1993), с. 121-127.

(Ладыгин, п, 3). “1812 год”, наиболее объемный палиндромический текст той же книги, с. 127-134.

(Лукомников, ф1), (Лукомников, ф2), (Лукомников, ф1, ф2). Г.Лукомников. Хореический набросок обратного словаря двусложных фонетических волновых каламбуров (1998, рукопись). Учтены соответственно первые, вторые формотексты, а также их сумма из репрезентативной (каждая 4-я строка) выборки текста, представляющего ПЦ-форму к2 (КСИ=0, ИК=1).

(Пальчиков, п, 1). Репрезентативная выборка: каждый десятый палиндромический сонет книги В.Пальчикова “О купавы торк” (М., 1999), начиная с первого, с. 4, 15, 25, 35, 45, 55, 65, 76, 86, 97.

(Пальчиков, п, 2). Репрезентативная выборка: каждый десятый палиндромический сонет той же книги, начиная со второго, с. 5, 16, 26, 36, 46, 56, 66, 77, 87, 98.

(ППС, п). Репрезентативная выборка из “Первого палиндромического словаря” Е.Кацюбы (М., 1999), учтены последние палиндромы на каждой странице книги.

(РС, п). Репрезентативная выборка из РС (альманах “Тит”, вып. 1-5, Пермь, 2000): каждый третий “самопалиндром” (т.е. УПСК).

(Рыбинский, п). Выборка не содержащих прямую речь палиндромических текстов В.Рыбинского из книги “СолоГолоС” ([Тула], 1998): тексты под №№ 2-7, 13, 15, 18-20, 22, 24, 25, 27, 28, 31, 33, 34, 39, 41; всего 21 текст.

(Рыбинский, прим). Авторские примечания к вышеотмеченным текстам, расположенные на тех же страницах, что и сами тексты, с. 9-48.

(Рыбинский, в). Выборка, составляющая более половины вступительного исторического очерка о палиндроме из той же книги (с. 3-5): 11 абзацев от начала. Из выборки исключены цитируемые палиндромы.

(ФРиЦ, п, 2). Выборка охватывает часть словаря Г.Лукомникова “Фольклорные раки и целовертни” (рукопись 1997 г.), соответствующую полной точности формы, так, как это толкуется в ППС.

(Хлебников, п, 1). Единственное удовлетворяющее критериям анализируемого объема палиндромическое сочинение В.Хлебникова – поэма “Разин” (Собр. произведений В.Хлебникова. Т.1. Л., 1928. С. 202-215). Существуют две существенно отличающиеся друг от друга редакции поэмы. Обе они в полном своем объеме (исключая непалиндромные названия глав) составили две выборки.

(Хлебников, п, 2). Вторая редакция поэмы “Разин” (ред. А.Крученых) (Антология русского палиндрома XX века. М., 2000. С. 161-172).

(Хлебников, пр). Прозаический текст “Разин напротив” (Хлебников В. Утес из будущего. Элиста, 1988. С.137-140).

(Хлебников, с). Поэма “Уструг Разина”, из выборки исключена прямая речь (Хлебников В. Творения. М., 1987. С. 359-362).

(Хлебниковский пер., п). Комплекс классических палиндромических текстов XX века, анализируемый как единый текст, представляют 11 авторов (хлебниковский период): В.Хлебников (кроме двух редакций поэмы “Разин”, которые анализируются в отдельных выборках), В.Брюсов (все палиндромические тексты, то же – у остальных авторов, кроме В.Хромова), А.Туфанов, И.Сельвинский, В.Набоков, А.Софроницкий, С.Прокофьев, А.Тарковский, В.Рушкис, С.Кирсанов, В.Хромов (кроме пьесы “Потоп”).

В связи с проанализированной в процессе исследования спецификой функционирования палиндромии в художественном тексте лексикографирование приводит к разработке новых типов словарей, структурно близких к словообразовательным словарям и словарям сочетаемости, а именно: словаря омоформ (отражающего, в частности, актуализацию флексии в палиндромии), конкорданса (позволяющего выявлять нюансы типов лингвопоэтического функционирования словоформы в палиндромии), словаря общей продуцируемости ПЦФ (состоящего из словарей УПСК, форм п-типа и словаря ИФП), словаря ПЦ-форм, продуцируемых личными именами (отражающего тенденции онимизации в палиндромии), словаря новообразований в палиндромии, сводного словаря ПЦФ (описывающего в категориях параметризации все бинарные взаимодействия формотекстов ПЦ-парадигмы), а также экспериментального словаря слогово-сегментных палиндромов.

Словарь определенного вида позволяет типологизировать и подвергнуть анализу тот или иной пласт изучаемого материала, все же словари в совокупности выявляют обобщенную картину функционирования палиндромии в разных типах ПЦФ.

Анализ ППС, составленного Е.Кацюбой, выявил потенциальное преобладание в палиндромии семантически малооправданных УПСК – отрицательный языковой материал, которого избежал РС, составленный А. и П. Нагорских. И, напротив: анализ РС выявил потенциальное преобладание агнонимов, прежде всего их онимическую составляющую (тенденции онимизации и агнонимизации) – отрицательный языковой материал, которого избежал ППС. Таким образом, составители проанализированных словарей разработали различные лексикографические аспекты палиндромии, что дает ценный специфический материал для дальнейших исследований.

Построение конкорданса, охватывающего лингвопоэтику палиндромии в целом по всем авторам, позволяет избежать как «изолированного» (без ссылок) подхода, проявившегося в ППС, так и недостаточно контекстуального подхода РС.

Менее исследованной, но не менее продуктивной, является онимическая составляющая палиндромологического лексикографирования (практически не учтенная в ППС и РС), аналогичная ситуация наблюдается и на других языках (межъязыковая лексика). В данном контексте словарь, основанный на продуцируемости личных имен, выявляет их потенциальную лингвопоэтическую ценность в палиндромии.

Большой пласт новообразований в палиндромии требует дифференциально-лексикографического подхода. В частности, параметры двоичности и типа симметрии дают возможность дифференциации понятий

палиндромическое новообразование (марсоосрам, С.Гринберг, форма п1) и новообразование в палиндромии («Давитель, лети в ад!»), И.Фоняков, форма п1р, на основе пары ...итель / лети). Последнее терминосочетание допускается трактовать и как противопоставимое предыдущему, и как более общее понятие, включающее в себя новообразования в любых формотекстах ПЦФ.

Структуру сводного (парадигмального) словаря ПЦФ следует строить на основании таблиц ПЦ-парадигм (см. Таблицу 1), используя гнездовой принцип и не прибегая к самим таблицам. Сводный словарь учитывает все тонкости парных взаимодействий формотекстов, что имеет решающее значение для точного представления лингвопоэтического функционирования ПЦФ. Терминологическая составляющая сводного словаря ПЦФ восполняет пробелы в четкой фиксации утверждающихся форм палиндромии, решает важную проблему дефиниций в исследовании палиндромии.

Синтез лексикографического и лингвопоэтического начал воплощен в экспериментальном контекстуальном словаре слогово-сегментных палиндромов (кругозвучий) по принципиальной, но типологически не до конца разработанной идее Г.Лукомникова. Параллельно выявляется детальная типологизация пар кругозвучий (ПКЗ) по тем или иным дифференциальным признакам: равносложные (*Насте / стена*) и неравносложные (*июль / лью*) ПКЗ, с фиксированным (*яма / моя*) и подвижным (*навру / вруна*) ударением, с сохранением (в парадигме *аист / Таис / стаи*) и изменением (*калина / накали*) гласного ряда звуков и т.п.

Поскольку палиндромические тексты нередко относят к экспериментальной поэзии, экспериментальная лингвопоэтика в палиндромии представляет собой «эксперимент в эксперименте», двойной лингвопоэтический эксперимент со специфическими условиями и различными, как ценными, так и менее ценными (отрицательный языковой материал) результатами. В оппозиции *монопалиндромия / полипалиндромия* для текстового воплощения результатов экспериментов была избрана монопалиндромия, поскольку именно в ней можно добиться наибольшей нетривиальности и по возможности избежать УПСК.

Экспериментальное выявление лингвопоэтических возможностей циклической палиндромии осуществлено с включением элементов словесного и стихового палиндрома. Созданы тексты с определенными параметрами, ранее нигде не наблюдаемыми. Апробированы формулы и схемы, выведенные из опыта уже осуществленного исследования текстов.

Выявлены широкие потенциальные возможности русской палиндромии, выходящие за пределы лингвопоэтических особенностей, констатированных ранее. Одновременно с этим выявлены потенциальные возможности по продуцированию сюжетности в палиндромии.

Эксперимент по созданию абсурдно-заумной считалочки на основе словоконцепта *фокус* обнаружил возможности стилистической естественности монопалиндрома, в принципе не отличимой от стиля «обычных» стихов: *суко-псуко футы-нуты бары-дары палы-телы рваки-даки саку-наки сико-вико оли-моли шило-милло оки-воки сика-пука сика-дика врыле-тыла пыра-дыра быту-ниту фокус-покус*.

Игровая функция палиндромии, не менее популярная, чем поэтическая, и часто с ней сочетающаяся, в максимально возможной степени проявлена в экспериментах по продуцированию большого объема монопалиндромического текста (в том числе и в сочетании со словообразовательным экспериментом, памятуя «глокую куздру» Л.В. Щербы или сказку Л.Петрушевской «Пуськи бятые»), по синтезу множественной семантики в концентрированной форме фигурного сонета (тенденция компактности), по максимально возможному семантическому сжатию ПЦ-парадигмы (лексикографический и лингвопоэтический анализ парадигмы *дар / Ра*), по продуцированию палиндромных скороговорок (...*И не спет степ Стени, нет - спет степ Сени, // и не шит стихи Стени, нет - шит стихи Сени!*) и других экспериментах.

Палиндромия в музыке имеет более масштабные и серьезные формы, чем сама по себе палиндромия вербальная (ср. “Palindromic Canon” композитора Н.Слонимского). Эксперимент по соединению в рамках одного музыкально-стихового предложения звуковой и языковой палиндромии расширяет концептуально-палиндромическую семантику (по принципу металингвистичности) и соотносится с синтезом игровых функций музыки и стиха.

Из широкого спектра неисследованного переводческого контекста палиндромии избраны те его аспекты, которые в той или иной мере соотносятся с уже осуществленным опытом исследования. Эксперименты по внутриязыковому (жаргонное “*Тику-так! Катю, кит!*” = ‘Всё хорошо! Иди, вор!’ = “*Иди, вор... в ров иди!*”), межъязыковому (ср., например, французское *ici* и русское *тут*), типологическому, межсемиотическому переводам (синтез метатекста в проекте «Первая книга тысячелетия / 10.02. М., 2001 / Последняя книга тысячелетия»), их вариантам, представленные как изолированно, так и в сочетании с трансмутацией (заявка метатермина *Versus Reversus*, с разработкой принципа металингвистичности), опровергают бытующее мнение о принципиальной «непереводимости» палиндромии и выявляют ее широкие, малоизученные возможности в поэтической коммуникации.

Итак, в результате диссертационного исследования установлено, что палиндромия представляет собой структурно развитую, сложную систему, которая порождена всей логикой развития художественной речи вплоть до современных экспериментальных форм.

Подтверждается определение палиндромии как специфической параметризуемой художественно-изобразительной речи, основу которой составляет симметрия (по преимуществу зеркального типа) элементов текста, с учетом чрезвычайно возрастающей роли интертекстуальности, наблюдаемой главным образом в системе устойчивых словесных комплексов.

Впервые установлено структурное и функциональное родство устойчивых словесных комплексов (УСК) и подобных же палиндромных (УПСК) на лингвопоэтической основе. Впервые проанализированы коммуникативные ситуации в интерлингвистике палиндрома и композиционная функция УПСК. Анализ интертекстуальности и цитатности УПСК позволяет сделать вывод о том, что в контексте УПСК палиндромия, с одной стороны, близка к постмодернизму с его лингвоконцепцией единого текста (тотальная интертекстуальность), высокойokkaзиональной продуктивностью, активным освоением новой лексики, агнонимов, арготизмов, с другой стороны, архаизируется на всех уровнях. В вышеизложенном сочетании свойств состоит один из главных феноменов и парадоксов палиндромии.

Архаизация в палиндромии на слогово-сегментном уровне (вплоть до многословного сегмента текста) выводится из замеченной и подтвержденной анализом тенденции к упорядоченной структуре слога. В результате поступенного структурно-статистического анализа открыто преобладание по сравнению с непалиндромическими текстами компактной слоговой формулы из гласных и согласных (СГ), причем формула выстраивается в упорядоченную структуру (СГСГС), охватывающую определенный палиндромический сегмент полностью. Таким образом, доказано, что соотношение гласных и согласных в палиндромии архаизируется (вокализация палиндромии).

В вышеизложенной специфике имплицитно отмечается общая тенденция палиндромной лапидарности. На лексико-грамматическом уровне лапидарность (компактность) эксплицитно прослеживается в статистически подтвержденном преобладании (по сравнению с непалиндромными текстами) существительных с нулевыми окончаниями (субстантивная морфолопидарность), кратких прилагательных и причастий, императивов глаголов, в общелексической лапидарности (уменьшение средней длины слова); на уровне синтаксиса – в тенденции к беспредложности, в преобладании компактного беспредложного двухкомпонентного словосочетания существительных в именительном и родительном падежах и в соответствующей лингвопоэтической тенденции преобладания аналогичных по структуре метафор. Напротив, не вполне подтвердились предположения по поводу возрастания относительной частотности местоимений в палиндромии.

Наряду с архаизацией слогово-сегментного уровня палиндромии диссертационное исследование выявило архаизацию морфологического, лексического и частично синтаксического уровней на примере функционирования существительных, прилагательных, причастий, глагольных форм (особенно форм деепричастий). Кроме того, впервые отмечены тенденции агнонимизации, онимизации и омонимизации в палиндромии, что, наряду с палиндромной лапидарностью, подтверждает общую гипотезу лингвопоэтической исключительности палиндромии (аналогичные тенденции обнаруживаются в палиндромии на некоторых других языках).

В целом решена терминологическая проблема в теории палиндромии. Введен термин, позволивший объединить все элементы палиндромии в единую систему, – палиндромно-циклическая форма (ПЦФ). Предложен и апробирован ряд новых терминов, предназначенных для фиксации палиндромических структур и дифференциации типов ПЦФ: монопалиндромия, полипалиндромия, формотекст, кругозвучие (циклодром), пантограмма, омограмма и др. Наряду с ПЦ-парадигмой разработано понятие периодической системы элементов палиндромии.

В реферируемом диссертационном исследовании впервые комплексно и во взаимном сравнении проанализированы художественные тексты и словарные материалы с ПЦФ и без ПЦФ (всего 44 выборки) с помощью статистических методов. Кроме подтверждения гипотезы лексико-грамматической компактности в палиндромии и выявления слоговой специфики, статистический анализ палиндромических текстов подтвердил гипотезу об увеличении доли словоупотреблений существительных как в общем числе знаменательных слов, так и по отношению к глаголам (повышенная субстантивность палиндромии), а также соответствующее уменьшение относительного числа глаголов; структурно-статистический анализ помог открыть инициально-финальную продуктивность (ИФП) и подсчитать ее степень в разных типах текстов.

В результате структурно-лингвопоэтического анализа нашли подтверждение многие, переплетающиеся и влияющие друг на друга, функции палиндромии:

- эстетическая, основанная на специфическом воздействии симметрии через элементы текста;
- словообразовательная – через пересегментацию, ретроскрипционные процессы в структуре формы палиндрома, «обратно-языковые» процессы в фольклоре;
- магическая, основанная на суггестивном воздействии; такие особенности современного палиндромического стиля, как лозунговая эмоциональность,

частотность обращений и императивов, подтверждают актуальность магической функции;

– композиционная, текстообразующая, основанная на структурах выявленных и классифицированных ПЦ-форм;

– коммуникационная, сопряженная с проблемами интерлингвистики, соотносимая с эстетической, магической, поэтической;

– поэтическая, отличающая палиндромию как поэтическую речь с особым звуковым и стилистическим строем;

– игровая.

Игровая функция палиндромии, соотносящейся с концепцией “*homo ludens*” (Й.Хейзинга), проявляется через лингвопоэтику (игра звуком и словами в пределах формы) и через сопутствующие моменты воздействия самих ПЦФ как “*фокуса*”. Игра в палиндромии может пониматься двояко: как «упражнение», или эксперимент, и как элемент паронимической аттракции, поэтическая игра; провести четкую границу между этими двумя составляющими без учета конкретного коммуникационного момента достаточно сложно. Комплексный анализ ПЦФ позволяет сделать вывод о том, что палиндромия (с функционально-игровой точки зрения) есть серьезная игра слов в контексте поэтического языка, лингвопоэтическая игра. В связи с этим палиндромия предстает как модель поэтической лингвистики (или лингвистической поэтики).

Найденная и подтвержденная точными параметрами инициально-финальная продуктивность (ИФП) дала возможность понять в деталях генезис монопалиндромии, композиционную составляющую полипалиндромии, а также провести ряд лингвопоэтических экспериментов, которые подтвердили предположение о том, что фоникографическая лингвоструктура палиндромии основана на продуцировании расширенных текстов из УПСК, в основном, в результате взаимодействия инициали и/или финали с другими ПЦ-сегментами, имеющими структуру, родственную заданной.

Опыт лингвопоэтической параметризации, итоги статистического анализа, результаты структурного лексикографирования приводят к обоснованию проблемы экспериментальной лингвопоэтики, соотносимой с проблемой гипотетического словообразования (по В.П. Изотову) и основанной на постановке и решении конкретных задач продуцирования текстов с заданными языковыми свойствами из текстов и формотекстов, полученных, в основном, в результате лексикографирования. Экспериментальная лингвопоэтика приоткрывает неисследованные возможности палиндромии, дает новые идеи и материал для дальнейшего многоаспектного изучения палиндромии.

В результате всестороннего анализа, с учетом статистических методов и разного рода экспериментов, подтверждаются тенденции лексико-

грамматической лапидарности, актуализации словоформы, пересегментации, дискретности синтаксиса, агнонимизации, повышенной интертекстуальности и субстантивности палиндромии, омонимизации и онимизации палиндромии, а также архаизации современной русской палиндромии, что в целом составляет исключительную специфику палиндромии, восстанавливающей потебнианское “наглядное значение слова” в контексте современного поэтического языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

I. Монографии, словари, брошюры, учебные пособия

1. Палиндромия (лингвопоэтические и лексикографические аспекты): Монография. – М., 2002. – 144 с.
2. Палиндромия с точки зрения...: Самая объемная книга о русском палиндроме. – Курск; СПб., 1998. – 272 с.
3. Палиндромно-циклические формы: Кругозвучие. – М., 1999. – 20 с.
4. Анаграмматика и палиндромия: Словарные материалы. – М., 2000. – 20 с.
5. Типология палиндрома: Исследование палиндромных и околопалиндромных форм: Опыт учебного пособия-словаря. – М., 2000. – 160 с.
6. Палиндромно-циклические формы. Русский палиндром и его языковые особенности (материалы исследования). – М., 2000. – 24 с.
7. Словарь языка Н.И. Ладыгина (А-В). – М., 2000. – 24 с.
8. 10.02. М., 2001. – М., 2001. – 16 с.
9. ВОЗНЕСЕНСКИЙ REVERSUS: Опыт исследования. – М., 2001. – 28 с.

II. Статьи, доклады, тезисы

10. Миним: Палиндром как минимальный текст // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 23. – С. 321-325.
11. Палиндром: автор и текст // Текст в гуманитарном знании: Материалы межвузовской науч. конф. 22-24 апреля 1997 г. / Российский государственный гуманитарный университет. – М., 1997. – С. 323-328.
12. Экология палиндрома // Слово II. Сб. научных работ. – Тамбов, 1997. – С. 129-135.
13. Принципы построения словаря палиндромно-циклических форм (ПЦФ) // Научный альманах Орловского государственного ун-та. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 2: Филологические науки. Педагогика. Психология. Музыковедение. Искусствоведение. – Орёл, 1998. – С. 68-72.

14. Палиндром как игровая поэтическая форма // Академия игры. Ежегодник. 1998. – М., 1998. – С. 69-70.
15. Палиндромический текст: Специфика анализа // Текст как единица анализа и единица обучения: Сб. научных статей. – Курск, 1999. – С. 41-43.
16. Хлебниковская палиндромия: традиция и современность // Хлебников В. Разин: Новая редакция поэмы: Научно-художественное издание / Ред. А.В. Бубнова и Г.Г. Лукомникова. – М., 1999. – С. 3-6.
17. Композиционно-типологические составляющие звуковой асимметрии в палиндроме (на материале поэмы В.Хлебникова “Разин”) // Хлебников В. Разин: Новая редакция поэмы: Научно-художественное издание / Ред. А.В. Бубнова и Г.Г. Лукомникова. – М., 1999. – С. 22-24.
18. Verблюд – человек Слова // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 35. – С. 281-282. (В соавторстве с С.Бирюковым и С.Фединым).
19. Об устойчивых словесных комплексах в палиндромии // Фразеология – 2000: Материалы Всероссийской науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» (Тула, 25-26 апреля 2000 г.). – Тула, 2000. – С. 270-273.
20. Кругозвучие как особая палиндромно-циклическая форма: Типологические и лексикографические аспекты // Параметризация способов словообразования / Орловский государственный ун-т. – Орёл, 2000. – С. 70-79.
21. О лексикологическом аспекте анализа текстов максимально строгих поэтических форм // Филологический анализ текста: проблемы и поиски. Сб. научных статей. – Курск, 2000. – С. 64-66.
22. Неоромантические тенденции в сонетах Владимира Пальчикова (Элистинского) (лексикологический аспект) // Мир романтизма: Материалы международной научной конференции «Мир романтизма» (IX Гуляевских чтений). Тверь, 16-18 мая 2000 г. / Под ред. проф. И.В. Карташовой. – Вып. 4. – Тверь, 2000. – С. 165-169.
23. Палиндром с точки зрения лингвиста // Антология русского палиндрома XX века / Сост. В.Н. Рыбинский; под ред. Д.Е. Минского. – М., 2000. – С. 180.
24. Велимир Хлебников и современная палиндромия: отражение и умножение // Русская литература XX в.: Итоги и перспективы: Материалы Международной науч. конф., Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 24-25 ноября 2000 г. / Ред.-сост. С.И. Кормилов. – М., 2000. – С. 271-273.
25. «Да здравствуют музы, да здравствует разум!»: Мотивы «Вакхической песни» А.С. Пушкина в современной палиндромии // А.С. Пушкин и мировая культура. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

- Материалы международной конф. Москва, 21 апреля 1999 года. – М., 2001. – С. 100-103.
26. Интеллектуально-развивающие возможности словесно-игрового многоборья (“СИМ”) // Воспитательно-развивающий потенциал игры и праздника на рубеже XXI века. – М., 2001. – С. 80-82.
  27. Мир палиндрома // Мир библиографии. – 2001. – № 3. – С. 59-60. (Библиография палиндрома, составленная в соавторстве с И.И. Дорониной: с. 60-65).
  28. Палиндромные скороговорки // Скороговорки (этнопедагогика и современность): Научно-методическое пособие. – М., 2002. – С. 40-41.
  29. Хлебниковскому «Разину» – 80 лет // Теория и история игры. Вып. 2. – М., 2002. – С. 103-109.
  30. “Двояковыпуклая речь” (этюды о палиндромии) // Литературная учеба. – 2002. – Книга третья. – С. 134-137.
  31. Палиндромные скороговорки (из опыта работы педагога и исследователя палиндромии) // Футурум АРТ. – М., 2002. – № 4. – С. 164-165.
  32. Reversus-палиндромия и ее параметры // Новый палиндромический словарь. – М., 2002. – С. 246-269.
  33. Палиндромия: от перевертня до пантограммы // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 57. – С. 295-312.

Подписано в печать 19.02.03, т. 100, з. 878.

Лаборатория оперативной полиграфии КГПУ.

г. Курск, ул. Радищева, 33.